

The background of the entire image is a light beige or cream color, densely populated with various musical notes and symbols in a slightly darker shade of beige. These include eighth notes, sixteenth notes, and treble clefs, scattered across the frame in a non-repeating pattern.

МЕЖДУ HOT

SONYA BLADE

Соня blade

Между нот

<https://litres.ru/74317363>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестнадцатилетняя домристка Кира Левицкая должна выбрать: пойти в медицинский, как хочет мама, или рискнуть всем ради мечты — победа в музыкальном конкурсе.

В её команде: подруга, прячущая боль за шутками, Дима — парень, который ей нравится, но не умеющий говорить о чувствах, и Макс — парень из богатой семьи, но богатой только в материальном плане.

Но чем ближе финал, тем сложнее Кире разбираться не только в музыкальных аккордах, но и в собственных чувствах: её тянет к Диме с каждой репетицией всё сильнее. На их пути появляется новая соперница Ева Ковальская. Огонь во взаимоотношениях между Максом и Лерой нарастает. Смогут ли ребята победить в конкурсе, не поссориться и не разбить друг другу сердца на пути к мечте?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Соня blade

Между нот

Глава 1

Та, с идеальной укладкой

Кира Левицкая ненавидела запах затхлой древесины в кабинете. Но именно здесь, за третьей дверью слева, можно было спрятаться от всего мира.

Мамины недовольные вздохи за ужином: «Медицинский — это надёжно. А домра... ну, хобби и хобби». От учителей, которые смотрели с жалостью: «Талант есть, но куда ты с ним?» От собственного страха, что они правы.

Здесь, в этой тесной комнате со старыми обоями и вечно недовольным преподавателем, Кира могла просто окунуться в мир музыки, вечной задумчивости и мечтательности.

Она провела медиатором по струнам домры. Инструмент отозвался тихим, живым звуком. Хорошо. Хотя что-то в этом мире слушается её.

Отец говорил: «Музыка — это зеркало души». Кира тогда этого не понимала. А теперь — слишком хорошо.

Она начала разыгрываться. Пальцы побежали по ладам, извлекая знакомую гамму. Соль-мажор. Её любимая. Тёплая, как папины руки.

— Ты опять здесь одна? — в дверь просунулась голова со светлыми чуть волнистыми волосами.

Лера Соловьева ввалилась в комнату, не дожидаясь приглашения. На ней сегодня была бирюзовая кофта с блёстками, три разноцветных браслета и серьги-кольца.

— Я не одна, — Кира кивнула на домру. — Я с ней.

— С ней можно разве что помолчать. А тебе нужно разговаривать с людьми.

Лера плюхнулась на стул, поджав ноги. Сразу стало теснее. Она умела заполнять собой любое пространство — голосом, жестами, своим вечным шумом, даже молчание, которое от нее редко можно было услышать.

— У нас новый преподаватель по ансамблю, — Лера заговорщицки понизила голос. — Говорят, бывший член жюри «Молодых талантов». И он будет отбирать участников на конкурс.

Кира замерла. Пальцы остановились над струнами.

— Какой конкурс?

— Ты что, не в курсе? — Лера закатила глаза. — Областной конкурс молодых музыкантов. Грант в музыкальную академию. Денежный приз. И — внимание — от нашей школы будет целых два ансамбля, но грант получает только "капитан" ансамбля.

Кира медленно положила домру на верхнюю крышку фортепиано.

Грант. Деньги. Возможность сказать маме: «Я не брошу.

Я буду зарабатывать этим».

— И ты молчала? — Кира почувствовала, как внутри разгорается что-то горячее. Не гнев. Надежда. Она боялась её. Боялась надежды, это последний её шанс доказать маме, что музыка — не просто хобби.

— Я сама только что узнала! — Лера подпрыгнула на стуле. — Нам срочно нужен ансамбль. Трио минимум. У нас есть я, ты... осталось найти ещё кого-то.

Кира открыла рот, чтобы сказать, что она не уверена в этой идеи, что не умеет просить, что лучше справится одна... но Лера уже тараторила дальше:

— Есть один парень Дима Луговской, наш одноклассник. Он вроде неплохо играет на баяне, тоже учился пару лет в музыкалке, правда потом бросил. Говорят, молчит как рыба, но играет, что аж дух захватывает. И его друг, Макс вроде... этот вообще универсал. Он вроде на ударных немного играет, он еще в школьных выступлениях постоянно, то на гитаре, то на барабанах, но главное — он умеет договариваться. Спонсоры, связи, пиар. Нам такое надо!

— Подожди, — Кира подняла руку. — Я еще даже не подумала.

— А что тут думать? — Лера вдруг стала серьёзной. Это всегда пугало больше, чем её шутки. — Кирь, это твой шанс. Ты же мечтал продолжаешь мечтать. Ты каждый день играешь до боли в пальцах. Ты... — она запнулась. — Ты помнишь, как после папы месяц вообще не брала инструмент в

руки?

Кира молчала.

— А потом взяла. И с тех пор не выпускаешь. Не ради денег же. Ради... ну, сама знаешь.

Лера не договорила. Она вообще редко договаривала тяжёлые вещи. Она шутила, отвлекала, переключала тему. Но сейчас она просто смотрела на Киру — и в её глазах не было обычной беспечности.

— Ладно, — Кира выдохнула. — Попробуем.

— Отлично! — Лера снова стала прежней — громкой и яркой. — Тогда сегодня в 17:00 встречаемся в большом зале. Я договорюсь с преподавательницей.

Она выскочила за дверь так же внезапно, как и появилась. В комнате снова стало тихо.

Кира посмотрела на домру. Провела пальцем по старой царапине на корпусе — той самой, которую оставил отец, когда учил её настраивать инструмент.

— Ну что, — прошептала она. — Попробуем?

10 лет назад...

Кире было шесть, когда она впервые взяла в руки домру.

Не ту, взрослую, с царапиной на корпусе, которая стояла сейчас в углу её комнаты. А маленькую, почти игрушечную, с наклейками единорогов и почему-то красными струнами.

— Это твоя, — сказал отец.

Он опустил перед ней на корточки и положил инстру-

мент ей на колени. Домра оказалась не тяжёлой. Гораздо легче, чем выглядела.

— А ты научишь меня играть? — спросила Кира.

Отец улыбнулся. У него была добрая улыбка — тёплая, чуть грустная, с морщинками в уголках глаз.

— Научу. Но сначала запомни одну вещь.

Он взял её ладошки в свои — большие, шершавые, пахнущие деревом и почему-то мятой — и положил их на струны.

— Музыка — это зеркало души. Поняла?

Кира не поняла. Ей было шесть. Она хотела просто играть, как по телевизору — быстро, красиво, чтобы все хлопали.

— Поняла, — соврала она.

Отец рассмеялся. Он всегда знал, когда она врёт.

Первые уроки были не похожи на музыку.

— Сначала поставим пальцы. Правильно. А теперь держи. Не сжимай. Домра — не враг, она друг.

Пальцы Киры скользили по ладам, издавая жалкие, дребезжащие звуки. Она злилась. Плакала. Бросала инструмент на диван и кричала: «Я никогда не научусь!»

Отец не ругался. Он молча поднимал домру, садился рядом и начинал играть сам.

И тогда Кира забывала обо всём.

Его пальцы бегали по струнам легко, будто не касались их вовсе. А звук — тёплый, глубокий, чуть хрипловатый — заполнял всю комнату. Мама откладывала книгу и улыбалась из кресла. Даже кот просыпался и тёрся о ножку стула.

— Как у тебя получается? — шептала Кира.

— Я слушаю не пальцами, — отец клал её руку себе на грудь. — Я слушаю здесь. Если внутри тихо — и музыка будет тихой. Если внутри больно — музыка будет плакать. Если радостно — она будет смеяться.

— А если внутри ничего нет?

Отец задумался. Потом провёл медиатором по струнам — один короткий, звонкий аккорд.

— Тогда музыка научит тебя чувствовать. Просто играй. Остальное придёт.

В семь лет Кира сыграла свою первую настоящую мелодию.

Простую. Короткую. Похожую на колыбельную, которую напевал отец, когда укладывал её спать.

Она сыграла её без ошибок. С третьего раза.

Отец слушал, не дыша. А когда последняя нота затихла, он молча обнял её. Так крепко, что затрещали рёбра.

— Я же говорил, — сказал он тихо. — Ты сможешь.

Кира улыбнулась в его плечо и поверила.

В восемь лет она уже пошла в музыкальную школу и играла в оркестре. Не солировала, но сидела в первом ряду, почти перед дирижером. Настоящая домра, не ее, та которую она брала в музыкальной школе на время репетиции, не игрушечная. Старенькая, потрёпанная, с каким-то номером на корпусе.

— Скоро купим тебе свою, — пообещал отец. — Хоро-

шую. Ты заслужила.

— А ты научишь меня её настраивать?

— Конечно. Это самое главное. Без настройки даже самая дорогая домра будет звучать как консервная банка.

Он показал ей, как крутить колки, как проверять строй по пятому ладу, как слушать, чтобы струны не ввали. Кира запоминала каждое движение. Ей казалось, что времени — вагон. Что отец всегда будет рядом и поддержит. Что они ещё успеют сыграть сотни мелодий.

Она ошибалась. Это случилось в пятницу.

Кира помнила каждую деталь — как чёрно-белое кино, которое нельзя выключить.

Утром отец отвёз её в школу. Он был весёлый, напевал что-то из старой пластинки и обещал вечером купить мороженое.

— Самое большое, какое найдёшь, — сказал он. — С двумя шариками.

— С тремя! — крикнула Кира, вылезая из машины.

— С тремя, — рассмеялся он.

Она помахала ему рукой и побежала на урок. Не обернулась. Зачем? Он же вернётся вечером.

Он не вернулся.

Сердце. Мама плакала в коридоре, закрыв рот ладонью, чтобы Кира не слышала. Но Кира всё слышала. Она стояла за дверью и сжимала в кармане наушники, которые отец подарил на день рождения.

Она не плакала. Не могла, не было сил и эмоций...

После, вернувшись домой она увидела домру, которую он успел ей купить, пока она была в школе.

На похоронах было много людей. Кира никого не узнавала. Все гладили её по голове, вздыхали и говорили «держись».

Держаться за что? Отец ушёл. Вместе с его смехом, с его песнями.

Мама после похорон стала другой. Тихой. Словно у неё тоже лопнула струна, только внутри.

— Музыку не бросай, — сказала она один раз. И больше никогда не говорила про домру.

Кира не бросила. Но играть перестала.

Домра — та самая, настоящая, которую отец выбрал для неё в музыкальном магазине за несколько часов до смерти — висела в углу её комнаты и пылилась. Кира не могла до неё дотронуться. Каждый раз, когда она смотрела на инструмент, она слышала его голос: «Ты сможешь».

А она не могла.

Через три месяца Лера Соловьева — ее подруга, с которой она общалась иногда в школе, яркая, громкая, совсем не похожая на всех остальных — подошла к ней в столовой.

Кира молчала.

Она положила перед Кирой шоколадку.

— Это тебе. Просто так.

Кира не взяла шоколадку. Но запомнила, что она един-

ственная из класса поддержала ее.

Ещё через неделю — они уже обедали вместе. А через месяц Кира впервые за всё время достала домру из угла.

Пальцы помнили всё. Лады, струны, любимую соль-мажорную гамму, знаки при ключе.

Она сыграла ту самую мелодию — короткую, как колыбельная, которую отец играл на ночь. Сыграла без ошибок. С первого раза.

А потом заплакала. В первый раз с того дня.

Лера не задавала вопросов. Она просто сидела рядом, молчала и держала Киру за руку.

Теперь, спустя десять лет, Кира играла каждый день.

Домра — та самая, старенькая, с царапиной на корпусе — стала её миром. Всё, что она не могла сказать словами, она говорила через струны, музыку. Им. Отцу. Себе.

— Я не бросила, — шептала она. — Видишь? Я всё ещё играю.

Струны молчали. Но Кира знала — он слышит.

Он обещал, что у нее все получится.

Она ещё не была в этом уверена. Но собиралась доказать это самой себе и другим, что он не ошибался.

Глава 2

После уроков Кира почти бежала в большой зал. Сердце колотилось где-то в горле. Она терпеть не могла новые места и новых людей. Но Лера уже ждала у входа, размахивая руками.

— Идём! Они уже там.

В зале было прохладно и пахло старой древесиной. У окна стояли двое парней.

Один высокий, в чёрной толстовке с капюшоном — Дима, их одноклассник. Сутулился, руки держал в карманах. Взгляд — цепкий, изучающий, но молчаливый. Дима, узнала его Кира. Тот самый одноклассник-тихоня.

Второй — его полная противоположность. Растрёпанные волосы, широкая улыбка, футболка с принтом какого-то мультяшного персонажа. Он жестикулировал и говорил без остановки, даже когда никто не слушал.

— ...а я говорю, это лучшая идея. Мы выигрываем конкурс, получаем бабки, а на них — записываем альбом. Или нет, открываем свою студию. Или...

— Макс, заткнись, — беззлобно сказала Лера. — Это Кира. Наш лидер.

— Лидер? — Макс прищурился. — А кто тебя назначил?

— Никто, — Кира почувствовала, как к щекам приливает жар. — Я вообще не напрашивалась.

— О, скромница, — Макс расплылся в улыбке. — Нравится. Ладно, пусть будет лидером. Я — Макс, играю на ударных и всё, что гремит. А это — Дима, ну с ним вы вроде знакомы.

Дима кивнул. Один короткий кивок. И всё.

— Он разговаривает? — не удержалась Кира.

— Иногда, — Макс хлопнул друга по плечу. — Словами. Но в основном — баяном. Вы не слышали, как он играет? Это что-то.

Дима бросил на Макса короткий взгляд. Тот сразу убрал руку.

— Ладно, — Лера хлопнула в ладоши. — Давайте просто сыграем что-нибудь. Познакомимся с инструментами. Кира, ты начинаешь.

Кира села на стул, положила домру на колени, вытащила из кармана медиатор. Пальцы дрожали. Она ненавидела играть при незнакомых. Но Лера смотрела на неё — не с жалостью, а с верой. И Кира начала.

Сначала тихо, боясь ошибиться. Потом громче. Пальцы сами вспомнили гамму, перетекли в мелодию — простую, грустную, ту самую, которую играла в день, когда отец в последний раз слушал её.

Она закрыла глаза и провалилась в музыку.

А когда закончила — в зале было тихо.

— Ничего так, — сказал Макс первым, потому что не умел молчать. — Но моя бабушка играет лучше.

Лера закатила глаза. А Дима... Дима смотрел на Киру. Не

на домру. На неё. И в его взгляде не было насмешки.

— Интересно, — раздался голос с порога. — Вы уже собрались? Без меня?

Кира обернулась.

В дверях стояла девушка, которой здесь явно не было места. Длинные, идеально прямые волосы, укладка, которую Кира не смогла бы сделать даже за час. Аккуратный макияж. И домра — не школьное «корыто», а настоящий мастеровой инструмент, с инкрустацией и идеально отполированным корпусом.

Девушка улыбнулась. Широко. Фальшиво.

— Привет, — сказала она. — Я Ева. Ева Ковальская. Мне сказали, что здесь собирается и репетирует ансамбль для конкурса.

Кира сжала гриф так, что побелели костяшки.

— Ансамбль уже есть.

— Правда? — Ева прошла в зал, не спрашивая разрешения. Села на стул напротив. — А где? Я вижу девочку с домрой, её подружку с блёстками, двух парней... это всё?

Она посмотрела на Диму и слегка улыбнулась ему.

— А тебе кого не хватает? — Лера встала, скрестив руки. Её голос звучал весело, но Кира знала подругу — та уже всё поняла.

— Меня, — Ева поправила волосы. — Потому что с вашим составом вы даже не пройдёте первый тур. А со мной — у вас есть все шансы.

— Самоуверенно, — заметил Макс, но без возмущения. Скорее с интересом.

— Реалистично, — поправила Ева. Она повернулась к Кире. — Ты ведь хочешь победить, правда? Ради отца?

Кира вздрогнула. Откуда она знает про отца?

— Я узнала через своего отца, — Ева улыбнулась, ведь это правда, отец у нее очень влиятельный человек и знает все про всех. — Кира Левицкая, шестнадцать лет, мать требует идти в медицинский, отца не стало, когда тебе было восемь. Ты играешь, чтобы... что? Поговорить с ним?

— Закрой рот, — тихо сказала Кира.

— Не нравится правда? — Ева наклонила голову. — Тогда докажи, что ты лучше. На конкурсе. Но помни, без меня вы — никто.

Она встала, поправила лямку чехла от домры и направилась к выходу.

У двери обернулась.

— Кстати, я учусь в параллельном классе. И уже побеждала на «Молодых талантах» и у меня есть связи. Так что решайте. Или я с вами. Или — против вас.

Дверь хлопнула.

В зале повисла тишина.

— Ну и стерва, — выдохнул Макс.

— Она не права, — вдруг сказал Дима.

Все обернулись. Дима говорил. Голос тихий, хрипловатый — как будто не привык звучать.

— Мы справимся. Без неё.

— Ты серьёзно? — Лера прищурилась. — Ты её только что слышал. У неё связи...

— И что? — Дима пожал плечами. — У нас есть коллективный разум, а она одна.

Макс присвистнул.

— Никогда не слышал от тебя столько слов за раз. И, чёрт возьми, я согласен.

Он повернулся к Кире.

— Слушай, Лидер. Эта Ковальская, может, и крутая. Но она одна. А нас четверо. И у нас может нет крутых инструментов, и мы не выигрывали конкурсов, но... — он усмехнулся. — Мы хотя бы не бесим с первого взгляда.

Лера фыркнула.

— Спорное заявление. Ты меня бесишь с самого первого дня знакомства.

— Взаимно, — Макс расплылся в улыбке. — Но мы же все вместе.

Кира смотрела на них. На Леру — которая снова шутит, хотя внутри, наверное, трясётся. На Макса — который не умеет доводить дела до конца, но сейчас смотрел серьёзно. На Диму — который сказал больше слов за эти 5 минут, чем за всю жизнь, и почему-то не выглядел чужим.

— Вы правда думаете, что мы сможем? — тихо спросила она.

— А у нас есть выбор? — Лера подошла и обняла её за

плечи. — Кир, мы уже здесь. Мы уже собрались. Мы уже бесим друг друга. Осталось только отрепетировать и сыграть.

— И победить, — добавил Макс.

— Для начала — просто сыграть, — поправил Дима.

Кира посмотрела на домру. Провела пальцем по ней и сказала:

— Ладно, — сказала она. — Попробуем.

— Не попробуем, — Лера сжала её плечо. — Сделаем.

Макс хлопнул в ладоши.

— Тогда завтра в пять — сказала Кира.

— Ты найдешь ударную установку и тебе в этом поможет... - Лера осмотрела зал и сказала — Дима.

Кира была в шоке, хотела возразить, но не успела.

— Или что-нибудь, на чём можно стучать, — дополнил ее Макс.

Дима молча кивнул. А потом, когда все уже собрались уходить, тихо сказал, глядя в сторону:

— У нас все получится, Кира.

Она не успела ответить. Он уже вышел в коридор, сутулый, в своей чёрной толстовке, растворился в полумраке.

Лера хмыкнула и ухмыльнулась.

— Кажется, этот молчун тебя прощупывает.

— Не начинай, — Кира почувствовала, как щёки заливают жар.

— И не собиралась. — Лера взяла её за руку. — Пойдём. Завтра трудный день.

Они вышли из зала. Дверь закрылась.

А в пустом зале на стуле осталась забытые кем-то программка конкурса. И в графе «требования к ансамблю» жирным шрифтом было напечатано: «Количество участников — от 3 до 5 человек».

У них было четверо. Этого хватало более чем. Они в игре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.